

Лана Невская

История одной любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14413547

ISBN 978-80-7534-004-7

Аннотация

Наверное, чем старше становишься, тем чаще предаешься воспоминаниям молодости, когда все было легко, интересно, весело; когда жизнь только начиналась и казалась вечной-бесконечной и, разумеется, счастливой!

Вот и мама с возрастом стала все чаще перебирать старые письма от родных и друзей. Какие-то с удовольствием перечитывала, какие-то просто перекладывала в другую стопку, а некоторые долго держала в руках, вспоминая или этих людей или связанные с ними события...

Еще была у нее толстая общая тетрадь, вернее – обложка от нее: ярко-красная, глянцевая, с тиснением под крокодиловую кожу, в которой лежала толстая пачка писем, написанных маминым и папиным почерком. Эту тетрадь она доставала крайне редко и говорила, что помнит наизусть все, что там написано.

Это были письма моих родителей друг другу, которые они писали в течение почти полутора лет с момента знакомства и до свадьбы.

Это – их личная история любви в письмах!

По числам на письмах и по ответам на вопросы можно понять, что они писали друг другу почти ежедневно и очень подробно и о прошедшем дне, и о своих чувствах, и об обстановке в стране, и своем отношении к происходящему. Сколько любви, патриотизма и гордости за страну было в этих письмах! Это мысли совсем другого поколения, того, которое вынесло на своих плечах Великую Отечественную войну, восстановило города из руин, и дало возможность нам родиться и прожить основную часть жизни в великой стране без войн и финансовых потрясений!

Содержание

1. Танцплощадка	7
2. Первые письма	10
3. Только письма	15
4. Развитие отношений	20
5. Немного философии	23
6. Визит к родителям	26
7. Первые 5 лет	29
8. Мелкие недоразумения	31
9. Мысли о главном	33
10. Обида	38
11. Еще раз про любовь	42
12. Серьезные вопросы	44
13. Скоро Новый год	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лана Невская

История одной любви

Памяти моих родителей посвящается

© Лана Невская 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

На приёме у немецких друзей. 1983 год

Наверное, чем старше становишься, тем чаще предаешься воспоминаниям молодости, когда все было легко, интересно, весело; когда жизнь только начиналась и казалась вечной-бесконечной и, разумеется, счастливой!

Вот и мама с возрастом стала все чаще перебирать старые письма от родных и друзей. Какие-то с удовольствием перечитывала, какие-то просто перекладывала в другую стопку, а некоторые долго держала в руках, вспоминая или этих людей или связанные с ними события...

Еще была у нее толстая общая тетрадь, вернее – обложка от нее: ярко-красная, глянцевая, с тиснением под крокодиловую кожу, в которой лежала толстая пачка писем, написанных маминым и папиным почерком. Эту тетрадь она доставала крайне редко и говорила, что помнит наизусть все, что там написано.

Это были письма моих родителей друг другу, которые они писали в течение почти полутора лет с момента знакомства и до свадьбы.

Это – их личная история любви в письмах!

По числам на письмах и по ответам на вопросы можно понять, что они писали друг другу почти ежедневно и очень подробно и о прошедшем дне, и о своих чувствах, и об обстановке в стране, и своем отношении к происходящему. Сколько любви, патриотизма и гордости за страну было в этих письмах! Это мысли совсем другого поколения, того, которое вынесло на своих плечах Великую Отечественную войну, восстановило города из руин, и дало возможность нам родиться и прожить основную часть жизни в великой стране без войн и финансовых потрясений!

Раньше я не очень интересовалась содержимым этой тетради.

В детстве мне было это просто не интересно. Я знала, что там лежат мамины письма – и все.

В юности у меня были свои истории любви. Тогда я пыталась что-то прочитать и перенять опыт, но их отношения как пример мне вовсе не подходили и казались слишком политизированными и скорее похожими на кино. Я перелистывала время от времени несколько страниц, смотрела фото и открытки и складывала все обратно.

Иногда я спрашивала у мамы, как они познакомились, и она с удовольствием вспоминала какие-то эпизоды тех лет. Но память у меня была девичья, и я быстро забывала многие подробности ее рассказа, о чем сейчас очень жалею!

... После смерти родителей я открывала эту тетрадь не один раз, читала первые страницы и заливалась слезами. Только сейчас, потеряв родителей, и уже не имея возможности хоть что-нибудь узнать об их молодости, я сумела понять, почувствовать, какие же чистые и нежные отношения были между этими молодыми людьми, которые только что пережили войну, чуть-чуть глотнули мирного воздуха и, случайно встретившись в субботу на танцплощадке небольшого немецкого городка, не расставались уже до самой смерти, прожив в любви и согласии 52 года!

Эх! Сюда бы хорошего журналиста, литератора, а, может, и режиссера! Такая вещь могла бы получиться! Просто «Романс о влюбленных»!

Чужому человеку легче читать чужие тайны и исповеди, те слова, которые люди не произносят публично, а берегут и говорят их тому единственному, которому они предназначены. А я начинала читать, опять плакала и убирала тетрадь подальше, до следующей попытки. Не могу читать – и все!

И вот сейчас я все-таки решилась рассказать эту историю, столько лет пролежавшую в мамином архиве, но от этого не ставшую менее интересной и значимой для меня.

Я не знаю, сумею ли я передать все, что несли в себе эти письма из прошлого, но мне очень хочется, чтобы память об этой любви не пропала вместе с моим уходом. Пусть дочь и внучка хоть чуть-чуть прикоснутся к истории жизни своих, не таких уж далеких, предков!

... Папа ушел раньше, что стало для всех неожиданностью, которая и подкосила маму. Всегда сильный, бодрый, энергичный, кадровый офицер, без вредных привычек, он неожиданно стал резко слабеть, худеть – нам было ясно: что-то грызет его изнутри! Только в госпитале Бурденко ничего не находили, лишь постоянно твердили:

– Анализы у него прекрасные, можно в космос отправлять!

Я не знаю, как они там смотрели эти анализы, как и что делали, но через год, когда вес дошел до 39 кг и папа уже даже не мог говорить и принимать пищу, в обычной районной больнице ему поставили диагноз – скоротечный рак легкого, и выписали домой! Это было 23 февраля, в его профессиональный праздник!

А на следующий день, 24 февраля 2001 года в 23 часа 30 минут, папы не стало...

Он продержался еще только один день и ушел в вечность, оставив о себе добрую светлую память.

Мы, как могли, старались вернуть к жизни маму. Она все понимала: что надо жить дальше, что живой в могилу не ляжешь, что у нее есть дети и внуки, которым она нужна, но что-то в ней оборвалось со смертью папы. Она как-то сникла, растерялась, остро почувствовав его отсутствие, в общем – погасла в ней та искра жизни, из которой должно было разгореться пламя.

Через два года у мамы случился инсульт, который надолго свалил ее с ног в прямом смысле слова. Еще год мы выхаживали ее. И когда она уже стала выходить на улицу и сама себя обслуживать дома, а мы решили, что самое страшное осталось позади, она вдруг сказала:

– Наверное, мне пора к папе...

И через месяц тихо умерла у меня на руках через 20 минут после отъезда «Скорой».
Это было 4 июня 2004 года в 18 часов 20 минут.

Надеюсь, – теперь они снова счастливы вместе!

А начиналось все так...

1. Танцплощадка

После окончания войны и демобилизации моего дедушку, прошедшего всю войну до Берлина связистом, как бывшего опытного главбуха большого предприятия, оставили работать в Германии в советской торговой организации и разрешили привезти семью. Так мама оказалась в Германии, где окончила русскую школу в небольшом городке восточной Германии – Дрездене, а жила во время учебы в интернате и приезжала домой в Хемниц только на выходные.

У танцплощадки

Там, в один из теплых весенних вечеров, на танцплощадке городского парка, куда они пришли с подружкой, она и познакомилась с молодым симпатичным лейтенантом – Борисом, который, пригласив ее на первый танец, так и не отпустил до конца вечера. Симпатия оказалась взаимной, и молодые люди условились, что будут перезваниваться и переписываться, обменялись координатами, но... жизнь военного ему не принадлежит!

Личные договоренности часто приходилось нарушать, если вдруг случался внезапный выезд на учения «по тревоге» или внеочередное дежурство в казарме, – да мало ли забот у молодого лейтенанта, только что окончившего с отличием Киевское высшее военное училище и направленного в Германию к первому месту службы!

В тот вечер они договорились встретиться здесь же в следующую субботу. Но в назначенное время мамин кавалер не появился, а пришел его друг и передал маме записку от папы, а на словах сказал:

– Ты только не волнуйся! Все будет хорошо! Он тебя любит, скоро вернется и сам все объяснит!

Хорошенькое дело – не волнуйся! Как только тебе говорят такую фразу, то сердце сразу бросается в пятки, а на его месте образуется холодная пустота, и ты медленно начинаешь терять сознание.

Правда, до таких ужасиков дело не дошло, слишком мало они еще были знакомы, но папина записка ее заинтриговала. Он писал, что по личным делам ему необходимо съездить в отпуск на родину дней на 7-10, а потом он вернется, и все будет хорошо! Только дождись меня!!! – стояло в конце.

Вряд ли нормальный человек будет после такой записки все 10 дней спокойно жить в твердой уверенности, что все будет хорошо.

Тайну этой поездки мама хранила вплоть до папиной смерти. И узнала я ее совершенно случайно, когда пришлось в военкомате заполнять какую-то анкету или заявление на пенсию – уже не помню. Вот тогда я попыталась заставить ее рассказать мне все с подробностями. Она долго сопротивлялась, но потом сухо и коротко, буквально несколькими словами описала ситуацию и больше не захотела ничего рассказывать. Видимо, ей эти воспоминания до сих пор были неприятны, и она вовсе не собиралась смаковать все подробности. Я потом долго пребывала в легком шоке от услышанного. Но это совершенно отдельная история.

Когда я стала читать подряд все письма, я нашла в них отголоски той ситуации, но, что именно произошло, и почему папа только через год знакомства, решил объяснить ей всю эту историю, – мы так и не узнаем, потому что мама порвала его письмо с подробностями, чтобы никто и никогда не смог случайно прочесть его и воспользоваться этими сведениями во вред ей или папе.

Такая мудрость в 20 лет! И такая сила воли молчать об этом в течение всех 52 лет их брака, до смерти папы. И она бы так ничего и не сказала нам с братом, если бы не эта бессмысленная анкета и мое присутствие при ее заполнении.

Когда дойдет очередь до этих писем, я поясню, о чем шла речь.

И мама дождалась его, а дальше – полтора года почти ежедневной переписки, которую мама аккуратно сложила в яркую обложку от общей тетради и бережно хранила все годы их совместной жизни. И сохранила, несмотря на 13 переездов, коммуналки, где самим-то негде развернуться – не то, что такие архивы хранить!

Когда я пыталась читать эти письма, слезы лились рекой! Выбросить эти исторические хроники нельзя, а читать – невозможно! Это все равно, что в замочную скважину подглядывать! И я опять откладывала их до лучших времен.

Так вот.

Через короткое время ее обожаемого Бориса перевели по службе в другой город – Потсдам. Мама после окончания школы стала работать бухгалтером, и часто ездила в этот город с отчетами. Вот тогда и встречались влюбленные на несколько часов, а иногда – и дней, если папа не был в это время на учениях или в командировке.

А еще они умудрялись ночами болтать по ВЧ – спецсвязи, по которой мог позвонить даже Сталин. Не помню – кто им разрешил, но очарованные их отношениями связисты соединяли любящие сердца с условием, что если позвонит начальство, то отключат без предупреждения.

И вот, вечером, папа садился к телефону и «налаживал связь», проходя по отдельным кусочкам её с определенным паролем на каждом отрезке:

– Сокол! Я – Сирень! Прошу Ласточку! – и так далее – все 8 коммутаторов, пока до мамы не дозвонится.

А потом они говорили часами, связисты на линии слушали их беседу как поэму, да еще вставляли свои реплики и ехидные замечания.

Но влюбленных это не останавливало, и они общались так часто, как могли.

Через полтора года, 16 декабря 1949 года, состоялась их свадьба, на которой присутствовал весь папин взвод, мамина семья и подружки. Папа привез своей невесте прямо к дому целую грузовую машину корзин с живыми цветами. И это в декабре!

Какие же родители молодые, красивые и счастливые на фото!

Вот коротко то, что предшествовало этому долгому и счастливому союзу моих родителей.

А теперь – письма. И мои небольшие комментарии к ним...

Я не буду приводить их все дословно и в хронологическом порядке— это ни к чему: они слишком личные, иногда (мамины) по-девичьи наивные и трогательные, но не имеющие отношения к тому, что я хотела бы подчеркнуть в их отношениях: чистоту, целеустремленность, доверие, уважение друг к другу, стремление понять и почувствовать другого человека, искренность и трепетность чувств, необыкновенно серьезное отношение к выбору спутника жизни.

И еще. Я нашла письма только с 27 сентября 1948года. Может, самые первые письма «залезли» в другие, в более позднюю переписку – ведь сохранились и письма за все последующие годы их совместной жизни: из института, командировок, с отдыха, – и найдутся позже, а пока начну с того, что есть...

2. Первые письма

Родители жили тогда в разных городах, и едва расставшись после очередной встречи, сразу садились за письма, будто так и не успели сказать друг другу самого важного. Иногда они пытались докопаться до истинного смысла того, что было сказано при встрече, может, недоговорено или сказано лишь намеком.

Они были свободны в своих мыслях и действиях, и именно эта свобода притягивала их друг к другу, давала возможность присмотреться и оценить внутренние качества человека, с которым, может быть, ты свяжешь свою судьбу на всю жизнь. Они не переступили ту черту, после которой наступает некоторая зависимость, которая заставляет принимать решения под давлением обстоятельств. Почти ежедневно, вернее – еженощно, они созванивались и разговаривали по несколько часов. О чем они говорили – история умалчивает, и можно только догадываться о содержании этих бесед.

Кроме писем было множество открыток с трогательными надписями в соответствии с рисунком на них.

Почти каждое письмо сопровождалось эпиграфом, и было похоже на небольшое эссе или миниатюру. Но главное, что меня всегда удивляло в папиных письмах – это их политическая, патриотическая, и социальная направленность.

В 1948 году маме было 20 лет, папе – 22.

Вы можете представить себе сейчас письмо, которое написал бы сегодня (пусть и по интернету) молодой человек этого возраста своей девушке? Ему в голову не придет обсуждать с ней такие проблемы!

А каким языком написаны папины письма! Паренек «из глубинки» – место рождения – деревня Дмитриевка, Белебеевского района, рано потерявший родителей (мать – в 15 лет, отца – в 18), окончившего педагогический техникум по специальности: математика и черчение, и военное училище, так излагает свои мысли, что позавидует любой журналист.

В этих письмах не только личная жизнь двух молодых людей. Это голос той послевоенной эпохи, когда люди почувствовали, что, несмотря на все потери, весь ужас пережитого, – жизнь продолжается! И именно любовь одна из первых стала прорастать яркими цветами на пепелище войны. Оказалось – любовь жива! Она идет нам навстречу, и как всегда, побеждает любые препятствия на своем пути. И вот – еще одной счастливой парой на Земле стало больше!

Конечно, все было не просто, у каждого на пути были свои «колючки», но если любовь настоящая, она обязательно преодолеет все трудности и выйдет победительницей!

Впрочем – судите сами...

27 сентября 1948 года

«С той поры, как мы увиделись с тобой,
В сердце радость и надежду я ношу.
По-иному и живу я и дышу
С той поры, как мы увиделись с тобой!

Милый друг! Наконец-то мы вместе!
Ты плыви, наша лодка, плыви!
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей большой любви».

Инна!

Я остаюсь здесь с самыми светлыми и самыми теплыми мыслями о нашей непродолжительной дружбе, с самыми хорошими мыслями о тебе, с надеждой неизбежности нашей новой встречи.

Лично от нас будет больше всего зависеть возможность и необходимость этой встречи.

Если наше желание, наши силы и наша воля к встрече будут твердыми, глубокими и большими; если все наши, даже самые малейшие дела будут сознательно направляться на осуществление этой встречи; и если каждый из нас будет видеть в ней свое счастье в будущем, и будет всегда помнить об этом, – то можно с уверенностью сказать, что ни время, ни окружающие люди, ни расстояния и никакие другие причины не свернут нас с нашего общего пути.

Необходимо только, чтобы каждый из нас имел в себе смелость всегда сказать все о себе и о друге, обо всех внешних и внутренних изменениях, об их влиянии на наши отношения.

Мне, расставаясь с тобой, всей душой хочется, чтобы ты всегда смело шла вперед, успешно преодолевала трудности на своем пути, и в борьбе с ними находила самое большое удовлетворение.

Мне хочется, чтобы ты шла вперед прямо, не останавливаясь и не сворачивая с пути, не задумываясь над необходимостью обхода трудностей и всегда помня о том, что только прямой путь будет твоим путем к заслуженному, а потому – самому большому счастью.

Я обещаю сам всегда выполнять все это и, не колеблясь, смело идти к своей цели.
Борис.

3 октября 1948 года

«Зато и пламенная младость
не может ничего скрывать,
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать!»

Боря, здравствуй!

Вот видишь, как все нехорошо складывается! Свой приезд домой я ознаменовала болезнью – грипп разыгрался не на шутку. Сегодня воскресенье, прекрасная погода, а я вынуждена сидеть дома. А вчера все-таки не выдержала и поехала немного покататься на велосипеде, но сделала это зря – сегодня чувствую себя хуже. Настроение паршивое. Сейчас с удовольствием бы поговорила с тобой по телефону, но ты не звонишь. А в голову лезут различные мысли и воспоминания...

Боря! Дописываю после разговора с тобой. Как хорошо, что ты позвонил – сразу на душе стало веселее. Сейчас бы еще погонять с тобой на мотоцикле! И зачем только существуют на свете болезни? Мне очень хочется, чтобы сегодня был такой же день, как всегда, когда мы проводили его вместе. Передо мной фотографии с видами Сан-Суси и парка культуры. На фоне парков – мы, и мне кажется, что все это только сон, и если я проснусь, то окажусь там в действительности... Это похоже на бред, но не удивительно. Ведь при высокой температуре люди иногда бредят.

Сегодня мне совсем не дают дописать письмо: то навещать приходят, то к папе по делу, то мама с витаминами донимает. Но я все равно отошлю тебе это сумбурное письмо. Думаю, ты не обидишься.

Всего тебе самого доброго.

С искренним приветом. Инна.

2 октября 1948 г.

«Если мы хотим, чтобы наша дружба
была достойна своего высокого названия,
то нужно, чтобы в нашей повседневной
практической работе нам всегда
сопутствовала постоянная благородная
внутренняя тревога за ее судьбу...»

Инна! Здравствуй!

Ты, конечно, теперь уже дома. А я начинаю смиряться с мыслью, что тебя здесь нет, и что мне придется еще долго жить воспоминаниями о тебе.

Я не пошел на танцы, и сегодняшний вечер решил посвятить тебе, не сожалея нисколько об этом. Ты заслуживаешь того, чтобы посвятить тебе значительную часть своего времени. Кроме того, у меня осталось много наших общих фотографий, и они никогда не дадут забыть о днях, которые мы провели вместе.

Самое хорошее, что можно сказать об этих днях, – хорошо, что они были именно такими. В них не было никаких прикрас и подделок, и самое лучшее, что украшало их, – это самая естественная простота. Она была всегда нашим постоянным участником и в нашем обращении друг с другом, и в суждениях о других людях, и в наших мыслях обо всем остальном. Наше общее «наоборот» не усложняло, а напротив – упрощало наши отношения, хотя, как ты знаешь, они и не всегда нравились мне. Но даже это «наоборот» помогало нам лучше

узнавать друг друга, и, по-моему, не ошибусь, если скажу, что в нем было больше общего, нежели противоположного. А сейчас я согласился бы с этим твоим любимым словом, потому что очень хотел бы, чтобы действительно было все наоборот.

Я хотел бы, чтобы ты была не там, а здесь, чтобы я не писал тебе об этом, а говорил вслух, чтобы я не сидел здесь за своим столом, а был вместе с тобой на танцах. Но вышло все «наоборот».

Инна! Я давно обещал тебе сказать твою педагогическую специальность, и ты сама хотела ее знать...

Ты утверждаешь, что никогда не сможешь быть учительницей ни по какому предмету. Я утверждаю обратное, и сейчас мне хочется сказать, что ты научила меня благородному стремлению всегда поддерживать чувство долга перед тобой, ты научила меня ценить твою скромность и простоту, держать себя непринужденно в нашем маленьком обществе и понимать друг друга больше, чем мы оба, может быть, думали.

Сейчас мы далеко друг от друга, но можешь не сомневаться, что у тебя был очень способный ученик, и он не забудет твоих интересных уроков.

Он не забудет их, потому что ему не только твои фотографии будут напоминать о них, но и парк, где мы так часто бывали; и озеро, где мы катались на лодке и собирали лилии; и Бельведера, с которой мы любовались городом; и, наконец, – даже та маленькая скамеечка, на которой больше всего мы сидели.

Кроме того, ты и сама напомнишь ему об этих уроках и научишь еще многому, что хочешь видеть в нем в другом свете.

А сейчас – будь здорова, благополучна, счастлива.

До свидания. Желаю успехов тебе и твоей семье.

С самым глубоким уважением. – Борис.

* * *

13 октября 1948 года

Боренька, здравствуй!

Надеюсь, что это письмо ты получишь, когда вернешься из командировки.

Доехала до дома я хорошо и быстро, хотя папа несколько раз останавливался поохотиться, кое-что добыл, а я нарвала в поле маков и васильков. А потом мы заехали в цветочное хозяйство и там закупили много садовых цветов. Ты же знаешь, что я очень люблю цветы, и никогда не могу просто пройти мимо.

В дороге нас застал дождь, но он не помешал нам доехать вполне благополучно. Однако, когда я ехала туда, то мне дорога показалась легче и короче, чем обратная.

Боря! Мне еще раз хочется поблагодарить тебя за внимание и теплый прием. Только ты напрасно обиделся на меня, (да, да, обиделся, я все видела по тебе), за то, что я не пошла на танцы. Вот сейчас я тебе скажу истинную причину.

Может быть, тебе это покажется смешным, но я еще не привыкла считать себя взрослой, и люблю посещать только те места, где могут быть и взрослые и подростки. И мне было просто неудобно туда идти. Я знала, что буду стесненно себя чувствовать, а раз так, то это доставило бы мне мало удовольствия, и я сидела бы там, надувшись, что и тебе было бы неприятно. Так что я решила не портить никому настроения и не ходить, хотя мне очень хотелось потанцевать.

Со временем я привыкну к этой мысли, тогда будет видно, а сейчас еще раз прошу: не обижайся!

Теперь мне хочется вернуться к твоим письмам. В одном из них ты писал, что ты хотел мне в тот момент не писать, а говорить вслух. Но мне кажется, что ты лучше выражаешь свои мысли на бумаге, нежели в моем присутствии. В письмах ты пространно рассуждаешь, думаешь, мечтаешь «без расшифровки», а мне потом приходится догадываться, что ты имел в виду, что делать нелегко, да и ошибиться можно.

Теперь о педагогической специальности. Я не стала обсуждать этот вопрос при встрече, а хочу написать об этом сейчас.

Я до сих пор утверждаю и буду утверждать, что никогда не смогу стать учительницей ни по одному предмету. А то, о чем пишешь ты, – все это происходило без моего участия. Я никого не учила, и все то, что исходило от меня, – говорилось не для того, чтобы кого-то научить, а высказывала я свои мысли, нисколько не подозревая, что в это время кто-то чему-то учится. Поэтому я была несколько удивлена твоими словами.

Возможно, – это привычка, но вот сегодня я только приехала, а мне уже хочется написать тебе, а ведь прошло меньше суток!

На этом пока закончу, а остальное скажу завтра...

С наилучшими пожеланиями и горячим приветом. Инна.

3. Только письма

3 октября 1948 года

«Осенние ветры холодной проносятся стаей,
На улице дождь, да и хмуро сегодня вокруг.
Я в эти минуты сижу и тебя вспоминаю,
Мой верный товарищ, веселый, испытанный друг»

Инна!

Сегодня наступил первый выходной день после твоего отъезда. Прошел он скучно, совсем неинтересно, и может быть, ты действительно права, утверждая, что вместе с собой забрала и солнце, и все остальное хорошее. Ну что ж, я буду рад, если оно всегда будет освещать твою большую жизненную дорогу.

Хочется только прибавить, чтобы она освещалась не только этими внешними источниками, но прежде всего твоим внутренним духовным светом, чистотой и светом твоих мыслей, возвышенностью и благородством твоих стремлений, светом той большой цели, которой ты хочешь посвятить свою жизнь.

Очень часто бывает, что наш внутренний свет бывает слабее внешнего, и тогда он гаснет в более ярких внешних лучах, и сама цель теряет свой собственный блеск, превращаясь лишь в предмет, послушно и безучастно отражающий чужие лучи.

Нужно, напротив, чтобы свет души был сильнее внешнего, тогда он резче освещает дорогу, а сама цель из предмета отражения превращается в чудесный источник большого тепла и самого сильного и самого красивого света. А каждый источник, излучающий свет и тепло, вместе с тем излучает жизнь, приводит в движение множество явлений, короче – преобразует жизнь!

Так и люди, обладающие большим внутренним теплом и светом, вместе с тем обладают и этой замечательной способностью – приводить в движение, повышать инициативу, стимулировать жажду к большому делу у окружающих их людей.

Я хочу, чтобы ты всегда знала и всегда помнила об этом и никогда не допускала бесцельного светоизлучения, которое освещает не твою конечную цель, и не то, что стоит на пути к ней, а что-то постороннее, чуждое и тебе, и людям, в которых ты видишь попутчиков на своем пути.

Ты сейчас опять скажешь, что придется о чем-то догадываться и понимать в переносном смысле... Конечно, да!

Но я не сомневаюсь, что ты все-все понимаешь. Хочется еще привести в знак доказательства хорошо знакомые тебе слова:

– И ничто ее не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь.
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь!

/Есенин/

О чем говорят здесь последние слова?

Как раз о том, когда люди теряют способность быть источником света и тепла и превращаются в предмет отражения.

Правда?

Не обижайся на меня за то, что мое сегодняшнее письмо я посвятил именно этому вопросу. Я это сделал просто потому, что на улице так нехорошо, что при виде этой сырой темноты становится действительно холодно.

Меня согревают мои теплые мысли о тебе, именно потому я и написал о внутреннем тепле и свете.

А сейчас хочу спросить:

– Почему ты бросила трубку и рассердилась на мое молчание? А я специально молчал и знал, что ты мне напомнишь об этом. Я оказался прав.

Ну, хорошо, прости. Быстрее выздоравливай. Желаю успехов во всем.

До свидания.

С горячим приветом и глубоким уважением – Борис.

* * *

8 октября 1948 г.

«Нет большего горя, как в минуты грусти вспоминать о минувшей радости».

Боря!

Время только 17.30, но уже смеркается, а у нас погас свет. Иду на почту и решила написать несколько слов и тебе. Ведь письма идут очень долго, а мне хочется все время говорить с тобой.

Я не знаю, придется ли мне быть в Потсдаме или нет на этой неделе. Никаких официальных дел у меня там пока нет, но я думаю настоять, придумать какую-нибудь причину. Впрочем, они сами догадываются, почему я прошусь туда.

У нас очень скучно: фильмы идут старые, работа и простуда не позволяют даже на велосипеде покататься, да и не хочется одной куда-либо ехать.

Прошла уже неделя с тех пор, как я вернулась из Потсдама, а кажется, что прошел целый месяц. Жду твоих писем, а пока заканчиваю – стало уже совсем темно, ничего не видно.

До свидания.

С приветом и наилучшими пожеланиями.

Инна

* * *

12 октября 1948 года

23.40

«Все, что было у нас хорошего,
Ты в дорогу с собой возьми!»

Инна!

Я только сейчас простился с тобой по телефону и только что пришел домой. Ты не обижайся на меня, что мы простились так скромно, просто, даже как будто немного холодно!

Не обижайся, что я многого не договорил, что ты хотела бы, конечно, слышать от меня гораздо больше, и я сам знаю, что больше, гораздо больше должен был бы тебе сказать.

Но не спеши, ты все услышишь, и никогда не будешь жалеть о том, что я не сказал все сейчас. Мне хочется произнести самые большие и самые теплые слова тебе тогда, когда я сам буду уверен, что они будут восприняты тобой с самым большим участием, когда я сам

не смогу уже больше душить в себе свои мысли. От тебя зависит – приблизить это время, если ты хочешь слышать все-все до конца.

Помни, что мое молчание не так просто и легко дается мне самому, как ты думаешь. Но мне еще трудно говорить то, о чем я молчу, мне еще труднее отвечать на твои вполне естественные и важные вопросы. И я душу все в себе с сознанием того, что все это делаю только для нас двоих, что все это скажу, когда будет нужно.

Ты знаешь, что я думаю о тебе. Можешь верить, что наша последняя встреча еще больше укрепила во мне веру в мои мысли о тебе, и я, уезжая завтра отсюда, остаюсь вполне доволен всем, что мы делали эти три хороших, даже очень хороших, дня.

Прости, я не буду рвать этого письма, потому что пишу правду. А правду уничтожить нельзя, ее можно только скрыть, да и то ненадолго. Правда не рвется вместе с листком бумаги, правда всегда живет. Везде пробивает себе дорогу, всегда и над всем восторжествует.

Будь счастлива, Инна, на твоём пути к дому, будь успешна во всем. С горячим приветом. Борис

* * *

15 октября 1948 года

– Нет, не глаза твои я вспоминаю в час разлуки,
Не голос твой услышу в тишине.
Я вспоминаю ласковые руки –
Они-то мне напомнят о тебе!»

Боря, здравствуй!

Прошло 2 дня, наступил третий, а ты молчишь. Возможно, ты не мог позвонить оттуда, но ты ведь собирался попытаться. Я не думаю, чтобы эти пункты не имели телефонной связи, а, по-моему – тебе просто не хотелось «висеть на телефоне»!

А может быть, это вина наших телефонистов?

У меня все по-старому. Вчера ходила смотреть кинофильм «Подвиг разведчика» специально, чтобы увидеть там кадр, который мы хотели посмотреть вместе (там, где ты идешь в колонне солдат). К сожалению, я никого там не успела разглядеть, как и следовало ожидать. Ведь я не знала, куда именно надо смотреть, а времени рассматривать было очень мало. Конечно, было бы лучше, если бы мы посмотрели его вместе.

Сегодня с утра шел дождь с ветром, погода паршивая, а настроение еще хуже, и всему виной ты, «вредный человек»!

Да, да! Именно вредный, и можешь не оправдываться. У тебя, конечно, нервы железные. И ты будешь сейчас говорить: «Спокойнее, спокойнее, девочка!» Но ты же знаешь, что эти слова мало помогут мне, а особенно сейчас, когда эти слова говорю себе я сама.

Сегодня 15 октября – первый день твоих занятий в Университете, но попадешь ли ты сегодня на лекции?

Если нет, то мне это будет немного неприятно: я знаю, что тебе хотелось быть первый день там, а теперь я буду чувствовать себя косвенной виновницей этого. Я же догадываюсь немного, какие дела не дали тебе вовремя уехать в командировку...

Твоего письма, посланного перед моим приездом, я еще не получила, возможно получу сегодня.

Пиши, что у тебя нового, как собираешься провести следующие выходные. Меня на эти дни зовет к себе Неля, моя подруга, которую ты видел, когда приезжал ко мне. Но я не уверена, что воспользуюсь ее приглашением...

Прости, что я пишу тебе о таких неинтересных мелочах. Просто они влетели в голову, а на беду в руках оказались перо и тетрадь, и теперь ты должен сидеть и скучать, читая это письмо.

Но пеняй на себя! Ты сам просил меня не рвать писем, чего бы я там не написала.

Правда, я стала несколько осторожнее, и некоторые темы не затрагиваю вовсе, чтобы затем не пришлось рвать все письмо.

А пока заканчиваю, чтобы не отнимать у тебя время на всякую чепуху. Надеюсь, что ты не забыл о нашем прощальном разговоре о возможностях и желаниях и докажешь это на примере.

С сердечным приветом. Инна.

23 октября 1948 года

«Всякий раз, когда чувствуешь, что хочешь
сделать что-нибудь не по-своему
убеждению, а потому что все делают так,
и хотят, чтобы и ты так поступила,
остановись и подумай: хорошо или дурно то,
что советуют тебе сделать.
Помни, судьба ведет всех за собой,
кто идет добровольно, и тащит тех,
кто сопротивляется».

Инна! Здравствуй!

Ты, наверное, уехала сегодня к своей подруге, а обо мне думаешь, что я танцую в том уголке, где мы уже успели найти обоим нам понравившийся уют. Правда ведь, признайся, так думаешь?

Но на самом деле как раз все наоборот. Никаких танцев сегодня нет, состоялся комсомольско-молодежный вечер и концерт после доклада... Ему я предпочел уход домой и ответ на твое сегодняшнее письмо.

Обычно за письма благодарят. Я воздержусь от этого сегодня. Иначе мне придется признать, что я действительно «вредный человек». /Прости, я, конечно, шучу! / Но вместе с тем я рад, что сумел вывести тебя из того ужасного равнодушия, которым ты так искусно исполняла арии на моих «железных» нервах.

...Твое завтрашнее приказание – дежурить с 15 до 16 часов постараюсь выполнить и узнать о твоём приезде.

А сейчас я ложусь спать. Сегодняшним вечером совсем недоволен, не знаю, каким будет завтрашний...

Желаю успехов во всем. До свидания. С уважением – Борис.

4. Развитие отношений

27 октября 1948 года

«Юность с ее здоровьем и радостью жизни, с ее наивным добрым эгоизмом, любовью и мечтами о будущем не хочет и не умеет рядом с общей опасностью и страданием видеть опасность и страдание для себя, пока они не нагрянут и не нарушат ее счастливой походки...»

Здравствуй, Инна!

Сейчас уже 11 часов вечера, а я только еще пришел домой. Немного устал, но мне все-таки хорошо и легко с твоими теплыми письмами.

Ты, конечно, никогда не видела меня хоть немного уставшим, да и сейчас ты смотришь на меня своим нахмуренным и немного сердитым взглядом.

Чего же ты сердишься на меня, кукла? Ты, по-видимому, действительно думаешь, что мне здесь очень хорошо, а тебе там скучно и плохо.

Если уж отвечать на этот твой вопрос, то придется повторить слова твоей же песни:

Все о тебе здесь тоскует,
Вещи тобой здесь живут,
Разве у вас не бывает
В жизни подобных минут.

Вот видишь, а ведь ты мне не можешь сказать этих слов, потому что это не так...

...Я не принадлежу к числу людей, которые все прошедшее, пусть даже самое хорошее, сдают в архив древностей. Я руководствуюсь принципом, что в жизни важно в каждом деле уметь хорошее найти. Никогда не соглашусь с тем, что все имеющееся у нас хорошее, будет только нашим хорошим. Не считаю себя, да и тебя, такими бедными, чтобы мы были не способны наперед иметь еще более хорошее, даже прекрасное будущее.

Счастье чаще всего зависит от нас самих, и чтобы суметь его добиться, нужно упорно, через все препятствия видеть последнюю остановку, помнить, что в жизни может быть много и горьких минут, Но они никогда не должны представляться нам, как другое русло, течение или направление ее, а лишь как новый, хотя и трудный, шаг к счастью.

Ведь бывает, что люди от первых неудач поворачивают в сторону, ищут обходных путей, и тем самым, не замечая, теряют дорогу к цели.

А чтобы не потерять ее, нужно по крайней мере два условия: это любовь и вера в свою идею (цель) и упорство на пути к ней...

...Именно потому, что я верю в будущее, и вижу в нем свой прекрасный девиз, я всегда вместе с тобой с самым хорошим и большим чувством вспоминаю наше общее прошедшее.

Помнишь мои последние слова, которые я произнес при нашем первом прощании? Я повторю их тебе, я их не забыл, они и сейчас нисколько не устарели:

— Я хочу, чтобы ты всегда, с таким же чувством уважения, вспоминала о наших, вместе проведенных, днях, с каким буду вспоминать о них я; чтобы ты так же всегда стремилась к нашей новой встрече, как буду всегда стремиться к ней я; чтобы ты так же делала все для нее, как всегда буду стараться это делать я.

С искренним приветом и уважением. Борис.

* * *

4 ноября 1948 года

Дождь проливным потоком
Стучится к нам в окно.
Ты от меня так далеко,
Писем уж нет давно.

Ночью я буду, я знаю,
Думать, когда все уснут,
Разве у вас не бывает
В жизни подобных минут?

Боря!

Эпиграф получился длинный, но он полностью соответствует действительности. На улице сегодня тоскливо. Уже сутки не прекращается дождь. Облетевшие деревья покрыты капельками дождя. И вид у них такой хмурый и печальный, будто они оплакивают прошедшее летнее время и с грустью встречают хмурую осень.

Такое же настроение и у меня. Вот уже 6 дней нет твоих писем. Неделя ожидания! Ты знаешь, что это значит? Я уже всем надоела на почте и замучила все свои телефоны, справляясь о письмах.

А что ты сейчас делаешь, а? Почему вчера не позвонил? А я ждала! Спать легла уже в три часа ночи! А во сне видела, что получила от тебя сразу четыре письма: 3 обыкновенных, а в четвертом была банка с цветами, а в середине букета лежало письмо. Жаль, что не запомнила? Что там было написано. Вот было бы интересно потом сравнить!

Скорее наступали бы праздничные дни! Но чем ближе они подходят, тем тревожнее на душе. Мне почему-то кажется, что у тебя не столь велико желание, чтобы приехать к нам. Ты еще раньше говорил, что на поезде ты, конечно, не поедешь, а машину вряд ли удастся достать...

Думаю, что ты предпочтешь остаться дома, в кругу своих товарищей, в любимом клубе, где так много знакомых и так весело, да?

А мне бы хотелось, чтобы все было не так, как я здесь написала, а НАОБОРОТ! Понимаешь?

Так что решение за тобой! А я вообще в ноябре не буду в ваших краях. Я сначала думала, что числа 10-го придется поехать, но потом все отменили. ...Ладно! Не хочу больше думать об этом! Что будет – то и будет.

Буду верить в самый хороший исход всех моих опасений.

Будь здоров и счастлив. Хочу, чтобы ты исполнил свое обещание.

С горячим приветом и уважением.

Инна.

5. Немного философии

24 октября 1948 года

«Чувствовать себя сильным и способным
к борьбе – это и есть счастье».

Боря, здравствуй!

Пишу тебе это письмо, сидя у подруги в комнате. Сегодня воскресенье, по радио передают матч, уже первый час дня, а мы только встали и позавтракали – отсыпались по случаю воскресенья.

Вчера, в начале пятого, я приехала сюда. Неля встретила меня на вокзале. Пришли домой, привели себя в порядок и пошли на танцы, которые здесь начинаются в 6 часов. Танцевали до 8.30, а потом пошли в кино.

Танцевали под военный духовой оркестр. Играли они замечательные вещи, многое из того, что нам с тобой очень нравилось. Партнеров было больше, чем нужно, и хороших и плохих. Но наш с тобой любимый вальс «На сопках Манчжурии» я танцевала со своей подругой, поэтому получила двойное удовольствие.

Все было хорошо, но только не хватало тебя. И зачем ты не здесь, а там?

Сегодня опять пойдем на танцы, а завтра домой.

Боренька! Хотела тебе позвонить отсюда, но ничего не получается. Я не могу позвонить даже до дома, хотя это вдвое ближе, а тебе надо звонить через семь станций, и твой телефон будет восьмой точкой. Так что шансов позвониться нет никаких.

В понедельник ты будешь в Университете, после занятий тебе вряд ли захочется звонить, а мне так хочется поговорить с тобой. Я уже целую вечность не слышала тебя, и только твои письма несколько смягчают мою скуку.

Хочется узнать, как ты провел выходной, где был, что делал, каково настроение?

Боря! Мне почему-то кажется, что на праздники тебя назначат дежурить, Ведь ты в этом отношении «счастливый», и неужели ты не сможешь приехать, как обещал?

Ты предупреди, чтобы тебя не включали в список дежурных на это время! Ведь ты и так все праздники подряд дежуришь!

Боря! Вот ты написал на фотографии «Дружба любит равенство». Не думаю, что это было написано случайно, и мне опять приходится догадываться, что это значит. И мне показалось, что ты заметил какое-то неравенство между нами и поэтому так написал, чтобы и я знала об этом.

Если так, то напиши, в чем именно заключается оно, и можно ли уравновесить?

В твоём последнем письме ты пишешь, что был бы не только рад, но даже счастлив выполнить со мной вместе «обещание», которое я дала твоим друзьям на телефонной станции, но ты подумай хорошенько, так ли это? И теперь твоё дело – рассеять все мои сомнения!

А пока – до скорого свидания. Желаю успехов, здоровья, веселого настроения и всего самого хорошего

С уважением и приветом к тебе.

Инна.

* * *

1 ноября 1948 года

– Уметь в нужный момент призвать на помощь все

возможности и использовать их для решения задачи и составляет великую науку – умение жить!

Инночка! Здравствуй!

Только что пришел из Университета. Так скучно почему-то сегодня. Ничего не хочется делать, а ты, как назло, не выходишь из головы. Утром, знаю, ты хотела поговорить со мной, но в кабинете было совещание, а через 30 минут я уехал за 40 км и возвратился к 17.00 прямо на занятия. Сейчас уже 23.00. Я пришел и сел писать тебе это письмо. Чувствую себя немного усталым. Причем сегодня не только морально, но и физически.

Спасибо, что ты помогаешь всегда выйти из этой усталости, вырваться из ее окружения, незаметно, но быстро уйти в твой богатый и радостный мир.

Конечно, ты хочешь знать, как я провел вчерашний выходной день, и почему не дозволился к тебе. Ты, может быть, думаешь, что я и вообще не звонил, и теперь даже попытаешься наше «все равно» перенести с себя на меня?

Но, если хочешь знать, то я вчера 2 раза принимался звонить тебе, и второй раз мне даже ответили, что ты предупредила, чтобы по этому номеру вообще не отвечали. Не думаю, чтобы это была правда, но ответ был именно таким.

А выходной день я вчера провел ни хорошо, ни плохо. Днем еще раз смотрел «Молодую гвардию», а вечером был на танцах. А помнишь ли ты наш любимый уголок? Ведь мы самый первый раз танцевали в нем наш любимый вальс. Верю, что он не был последним и не был самым лучшим.

Может быть все-все лучше!

Я рад, что встречаю в твоих письмах мысли большого и здорового оптимизма и буду счастлив, если узнаю, что хоть самой косвенной и маленькой причиной этих мыслей было и мое участие.

– Великая наука – жить счастливо – состоит в том, чтобы жить будущим.

Правильно ли это? Ты мне ответишь сама, а я напишу свои мысли.

Да! Это правильно!

Правильно потому, что когда видишь впереди хорошее, весь путь, все трудности и препятствия к нему делаются легче. Чем цель прекраснее, тем легче к ней идти.

А ведь ты сама пишешь, что чувствовать себя сильным и способным к борьбе – это и есть счастье. Но сил больше тогда, когда знаешь, за что их тратишь, способностей тогда бывает больше, когда идешь через все препятствия и учишься на борьбе с ними. Нужно и важно только уметь избежать опасности простого увлечения красотой цели, нужно помнить всегда, в любой точке своего движения, что достижение цели не есть конец борьбы, а начало ее в еще более прекрасной и возвышенной форме.

Никто из нас не стал бы догонять попутного пешехода с тем только, чтобы догнав его, прекратить путь. Он нужен нам, как помощник в пути, облегчающий своим участием длинную дорогу, делящий мысли и силы пополам.

Цветок никогда не распустится, чтобы обрадовать окружающих прелестью своих форм и богатством красок, засохнуть и опсть. В простом опадании его листьев мы должны видеть десятки новых цветов, таких как он, или даже лучших.

Так и люди, а в их числе и я, и ты, должны свой каждый шаг на пути к достижению желаемого нами, видеть не только как сокращение пути, но и его продолжение после осуществления своей вдохновенной мечты.

Прости, в моих рассуждениях больше философии, чем уважаемых тобой фактов, примеров. Но в этой философии можно найти тысячи твоих и моих суждений и фактов тоже.

Вот тебя смущают написанные на фотографии слова: «Дружба любит равенство».

Они не являются упреком нам обоим. Они – это вывод из наших отношений, их краткое содержание и оценка.

Мы хотя и не очень много, но все же достаточно были вместе. И может быть именно потому, что мы были почти во всем равны, у нас все-все было так просто, хорошо, естественно.

Мы не позволили лишнего слова, движения, поступка, мы оба вправе называть друг друга детьми, и я, называя тебя куклой, всегда вкладываю в это название самые безвинные, простые и чистые мысли о тебе.

Поэтому можешь быть спокойна и не думать о том кажущемся тебе неравенстве, о котором ты пишешь в письме.

А сейчас будь здорова, благополучна и счастлива. Желаю успехов во всем.

Уважающий тебя – Борис.

6. Визит к родителям

Насколько я поняла, мама пригласила папу к себе домой на ноябрьские праздники, чтобы познакомить его с родителями, и очень переживала, что он по какой-то причине может не приехать. А папа, видимо, волновался и побаивался этого визита: как то примут его в этой семье? Он рано остался без родителей, сам из деревенской семьи, а тут такая «фифа», городская, да с гонором. Как все сложится? Вот он и откладывал этот визит, сколько мог.

Все сложилось, и визит все-таки состоялся!

9 ноября 1948 года

Инночка! Здравствуй!

Я закончил подготовку к завтрашним занятиям, и перед тем, как лечь спать, пишу тебе это письмо.

Прости, но мне еще раз хочется от всей души сказать тебе, твоим маме и папе, самое большое спасибо за теплый прием, за внимание, которым вы все меня окружили, когда я был у вас. Я хочу, чтобы ты знала, что я уехал вполне довольным, с самыми хорошими мыслями о тебе и о вашей семье.

Я всегда буду помнить эту свою первую поездку к тебе и все хорошее, что связано с ней. Мне было с тобой так хорошо, как будто я был в своей родной семье и в своем родном доме!

Мне приятно от мысли, что теперь и меня знают и будут помнить хоть некоторые места вашего города точно так же, как многие места моего города помнят о тебе.

Я не привык надолго отлучаться из дома. Поэтому при моей первой поездке в командировку мне таким долгим показалось мое путешествие, будто целый год не был дома. А когда я был у вас, я совсем не ощущал этого чувства, и возвратился, даже не вспомнив, что я не был здесь 3 дня.

Поезд быстро вез меня сюда, но мои мысли так упорно сопротивлялись и тормозили это движение, им так не хотелось бежать вместе с поездом, что они невольно отрывали меня от него и снова возвращали на этот серый вокзал, где меня встретила эта хорошенькая кукла.

А как хорошо, что движение наших мыслей так быстро. Они за несколько секунд могут облететь такое большое расстояние, охватить так много мест, предметов, людей!

Вот сейчас я сижу и пишу это письмо, но сколько раз я успел уже побывать у тебя и возвратиться снова к этому листку бумаги и к этой ручке с пером!

Как плохо было бы, если бы наши мысли были лишены такой прекрасной способности. Наша последняя встреча, по-моему, сделала наши мысли здоровыми еще более, а наше понимание этих мыслей – значительно более глубоким и оптимистическим.

Буду от души рад, если эта наша встреча – лишь хорошее начало для еще лучших будущих встреч.

С искренним уважением и горячим приветом.

Борис.

* * *

16 ноября 1948 года

«Знаю, ты тоскуешь, не скрывая,
На крыльцо выходишь, ждешь меня...
Только письма греют, помогая
Жить надеждой завтрашнего дня!»

Боренька! Здравствуй!

Вчера получила твое письмо от 9 ноября, а сегодня – за 14-е, которое мне отдал наш начальник... А 18-го числа там опять кто-то будет, и если удастся сообщить тебе об этом по телефону, то ты опять сможешь передать мне еще письмо.

Когда я читала твое сегодняшнее письмо, то мне невольно вспоминались слова, которые я говорила, когда ты был у нас:

«Хочешь сказать ей про многое,
А увидишься – все позабудешь!»

Так получается и у тебя. Когда ты сидишь в комнате один, то хочешь мне что-то сказать, а когда встречаешь меня, то слова пропадают, и ты решаешь, что еще не пришло твое время. Почему это?

Я уверена, что когда я опять увижу тебя, то все твои настоящие желания превратятся в упорное молчание, правда?

Я не хочу, чтобы ты принял эти слова за требование говорить, а только анализирую это как факт. А может быть, это и лучше, что все, что ты думаешь, скажешь позже. Ты научил меня не спешить, вот я и не тороплюсь..

А время ты сам укажешь, когда сочтешь это нужным...

Хотела ответить и на вчерашнее твое письмо, но решила, что лучше отвечу на него завтра. Там есть некоторые мысли, на которые мне хочется обратить твое внимание, и, конечно, возразить!

До свидания. Привет твоим друзьям. С приветом и уважением.

Инна.

* * *

17 ноября 1948 года

«Нас с ближним сводит и разводит случайно жизнь.
Так на горах поток преграду скал, дробясь в ручьи, обходит,
Скользит между уступов и холмов,
Чтоб там внизу утихшими струями
И встретиться и слиться вновь».

Боря! Здравствуй!

Время уже 22.50, а я только села за письмо. Только что слушала концерт по радио, который передавали из Москвы, но он прервался так же неожиданно на середине, как иногда кончаются наши телефонные переговоры...

...Я пишу письмо, а в окно смотрит большая луна, почти такая, какую мы видели с тобой там, только мимо нее не пролетает ни одного самолета, которые иногда раздражали меня своим звуком. Помнишь?

Сразу после твоего отъезда все невзгоды пали на меня, и с тех пор я никак не могу отделаться от них. Все еще болит злополучный зуб, который здорово портит мне жизнь...

... Помнишь, мы с тобой как-то говорили о том, когда человек чувствует себя счастливым? И один из многих пунктов был таким, что после какого-либо недомогания, когда к человеку возвращается здоровье, и он чувствует себя нормально, обычно, то он говорит: «Вот счастье, все прошло!».

Ты хоть и говорил об этом сам, и в то же время спрашивал меня:

– Ну почему он до болезни не говорил, что он счастлив, а теперь, когда он находится в таком же состоянии, как и раньше, то чувствует себя счастливым?

Помнишь этот разговор? Так вот: я чувствовала бы сейчас себя очень счастливой, если бы кончил болеть зуб. И думаю, что ты тоже согласишься с этим.

Письмо вышло совсем не интересное, но читай, что есть, а не понравится – порви не читая!

До свидания. Привет Косте, доктору и «квадрату».

С сердечным приветом и уважением. Инна.

Костя – лучший друг.

Доктор – настоящий врач, тоже друг.

«квадрат» – позывной телефониста на коммутаторе, который частенько подпольно соединял любящие сердца.

7. Первые 5 лет

13 ноября 1948 года

«Не плачь о счастье,
сумей его добиться,—
счастливых много
на земле дорог!»

Здравствуй, Инночка!

Прости, может быть, мое сегодняшнее письмо будет немного скучным и лирическим, но это вполне закономерно и обусловлено своими причинами. Сегодня исполняется ровно 5 лет, как я служу в армии, как я оставил свой дом и изменил в корне направление своей жизни.

Мне вспоминается холодная, снежная осень 1943 года, мать, знакомые с детства лица и места, и сейчас, как в тумане, я смотрю на них, и мне отсюда их совсем не видно.

Много изменений произошло за эти 5 лет. Изменился и я сам, вырос и возмужал, многое увидел и многому научился, лучше стал понимать жизнь. Самое хорошее, что я могу сейчас сказать о прошедших годах – то, что я упорно шел через все трудности, не боялся их и не плакал, был всегда уверенным в своих силах и лучшем будущем.

Мне сейчас не приходится жаловаться на свою слабость, жалеть о том, что я жил и преодолевал все препятствия на пути именно так, а не по-другому. Я ничего не изменил бы в этом пути, если бы мне предоставили возможность пройти его еще раз. Он прекрасен не своими привлекательными сторонами, не легкостью его подъемов и спусков, не широтой и простором его дорог. Нет! Совсем не так! Он прекрасен силой своего воздействия на меня, своей воспитательной и поучительной стороной, своим богатством практики жизни.

Можно легко и быстро, хорошо, весело и беззаботно пройти и 5 и 10 лет, быть довольным всем, но беспомощным перед возможными трудностями.

Нам всегда кажется красивым беспрепятственное движение машины по широкой и ровной дороге, и всегда неприятно, когда она, спотыкаясь о препятствие, глохнет и останавливается перед ним. Нам всегда приятно видеть у людей и у себя ситуацию, когда все идет легко, быстро и хорошо, и всегда неприятно видеть человека беспомощным в минуты трудностей и опасности.

Может быть, не очень хорошо, что на моем сегодняшнем пути таких препятствий совсем немного, но мне приятно знать, что я пришел к этому через пять тяжелых и трудных лет, и сейчас не окажусь беспомощным перед лицом новых трудностей. Я всегда, знал и руководствовался сознанием того, что о счастье не плачут, его добиваются, и дорог для этого очень и очень много.

Буду и впредь верить, что путь, который я избрал пять лет назад, а может вернее, и не избрал, а мне его предложили, – путь верный, хоть, может быть, с большими трудностями, чем другие, но более правильный, прямой и счастливый.

До сих пор я шел по нему один, мне не было страшно. Сейчас я продолжаю его с большими силами и с еще большей уверенностью в успехе своего движения. Не возражай, если я в конце скажу, что сейчас ТЫ во многом облегчаешь мне этот путь и делаешь его более интересным и содержательным.

Хочется закончить письмо словами:

«Не сломят любые напасти
отважных друзей и подруг.
Мы наше советское счастье

из крепких не выпустим рук!»

А сейчас будь здорова и счастлива, кукла!
С горячим приветом и искренним уважением к тебе – Борис.

* * *

14 ноября 1948 года

«И скучно, и грустно, и некому руку пожать,
и мысли так тесно вокруг здесь витают.
и хочется многое, многое мне рассказать,
но в пасмурном дне и сырой темноте все слова утопают!»

Инночка!

Прости за мое скучное письмо. Это уже второе такое. Не знаю, почему-то так хочется все-все рассказать тебе, чтобы ты знала все, и чтобы мне стало легче и веселее. Я всегда говорил, что еще рано, что расскажу потом, и ты даже немного сердилась на меня за это.

Может, сейчас уже совсем и не рано, и я бы высказал все и не писал бы тебе такого эпиграфа к этому письму. Но ты далеко теперь от меня, и я опять молчу со своими мыслями, и именно потому мне и скучно и грустно. Ты сегодня, наверное, обиделась на меня. Мы с тобой долго разговаривали днем, но нас рассоединили. Я обещал четыре часа работать в своем кабинете, но сумел справиться с работой за 2,5 часа и ушел домой. Мне там как-то лучше. Там твои письма, там наши хорошие фотокарточки, там твой небольшой портретик. И я всегда в этом окружении чувствую себя теплее, ближе к тебе, и мне становится лучше.

А в кабинете мне всегда хочется взяться за трубку и позвонить тебе. Но ведь этого нельзя делать всегда, а хочется. Поэтому я ушел домой. Сейчас вечер. Я пришел из клуба. Смотрел пьесу «Великая сила». На танцах не был. В 18.00 пытался позвонить тебе, но дежурный телефонист сказал, что твой номер не отвечает. Я не знаю, где ты могла быть.

Сейчас уже 23.40. Знаю, что ты звонила вечером, после меня, и мне опять становится обидно, что мы никак не можем созвониться.

Инночка! Ты прости и меня, и его (телефониста), что мы шутили с тобой при разговоре. Но я сочувствую твоему больному зубу, твоему физическому и духовному состоянию и во всем разделяю его с тобой.

Буду рад, если мое участие хоть немного облегчит твою боль и рассеет твои грустные мысли. Мне хочется, чтобы ты всегда знала и помнила, что я свое обещание – всегда помнить о тебе и рассказывать обо всем хорошем – постараюсь сдержать, и хоть этим, может быть, буду всегда напоминать тебе о себе.

А сейчас всей душой желаю тебе быстрее выздороветь и снова стать веселой и жизнерадостной. Привет твоим маме и папе.

До свидания. С искренним уважением и сердечным приветом – Борис.

8. Мелкие недоразумения

20 ноября 1948 года

Боренька, здравствуй!

Только сейчас переговорила с тобой и сразу села писать тебе это письмо.

Ну что же ты рассердился на меня, ведь я же права! Я понимаю, что ты пришел вчера усталый, что прежде чем пойти домой, ты зашел в кабинет, чтобы позвонить мне, и если нас разъединили, то ты уже не мог дольше ждать и ушел домой.

Но ты пойми, как мне бывает обидно, когда я, дозвонившись с таким трудом, вдруг слышу голос «Квадрата»: – «Ушел, велел пожелать спокойной ночи!». И я уже не знаю, ты так сказал или это «Квадрат» сам придумал, но только мне не бывает легче ни от первого варианта, ни от второго. И я кладу трубку, а у меня начинает портиться настроение.

Когда тебя просто нет на месте, мне не так обидно, чем слышать, что ты только что ушел. Вот поэтому я и сказала тебе, что я не буду больше дозваниваться к тебе сейчас, а предоставляю это право тебе. И если ты дозвонишься, тебя не будет ждать разочарование, что я ушла от телефона. Надеюсь, что ты прекрасно понял меня, и больше не будешь обижаться за сегодняшний разговор.

Хотелось бы еще кое-что написать, но я уже должна уходить.

Желаю тебе всего самого лучшего. С приветом и уважением.

Инна.

Мама и папа передают тебе привет.

Комментарий.

Очень много места в маминых письмах, уделяется отвратительному качеству телефонной связи и невозможности поговорить сколько хочется и когда хочется. Поэтому приводить здесь все эти слезные излияния молодой влюбленной девушки вовсе не обязательно, чтобы дать представление об их отношениях. Конечно – любовь на расстоянии – штука трудная, и редко она выдерживает такие испытания. Чаще – тихо сходит на нет и остается лишь приятным воспоминанием. Но если любовь настоящая – никакие испытания ей не страшны. И они снова и снова набирают коммутатор за коммутатором в надежде, что связь все-таки будет.

* * *

19 ноября 1948 года

– Я здесь тоской ни с кем делиться не хочу,

Свое ты редко здесь услышишь имя.

Но если я молчу – я о тебе молчу,

И воздух начинен здесь мыслями твоими!

Инночка, здравствуй!

Уже третий день нет твоих писем. Вчера я выполнил твой «приказ». Но срок его выполнения был так ограничен, что результат оказался пустым.

Ровно в 19.00 я вместе с майором уезжал в командировку и по пути заехал в № 16.

Пробыл там всего 12 минут, папы твоего не видел. Жаль! Очень хотелось получить твое письмо, побольше узнать о тебе. Вчера здесь не был, а приехал только сейчас. Через час иду в университет и перед уходом сообщаю тебе обо всем этом.

Вечерами часто, отрываясь от книги, смотрю на тебя. Мне всегда представляется вместе с тобой впереди хорошее, радостное и счастливое. Мне бывает приятно от этих мыслей, но тем резче начинаешь чувствовать, что тебя здесь нет, а как хорошо быть вместе.

После таких перерывов обычно не скоро берешься за книгу, а еще долго мысленно бродишь, по паркам, дорожкам и местам, где когда-то бродили с тобой! И не обижайся, пожалуйста, если я скажу, что в такие минуты именно ты мешаешь мне заниматься!

По-моему, я так не донимаю тебя, и не мешаю твоим занятиям, потому ты не имеешь права на меня обижаться.

Ты, конечно, дуешься, что я не написал тебе окончания своих стихов.

Тебе должно быть понятно, что я это сделал лишь потому, что те отрывки относятся как раз к числу тех, говорить о которых я считал и сейчас еще считаю – рано.

Ну, ты не сердись! Мы их допишем вместе, и не только пером!

А сейчас иду на занятия. Вечером постараюсь поговорить с тобой. Письмо это положу там же в № 16, может быть, и оно завтра попадет к тебе.

Желаю успехов во всем.

С самым большим уважением и сердечным приветом – Борис.

* * *

23 ноября 1948 года

Здравствуй, Боренька!

Твоих писем не получаю, да и не жду их сейчас, т. к. я все их уже получила, а новых ты, вероятно, еще не написал. А пока приходится перечитывать старые. Хочу ответить тебе на письмо от 19 ноября 1948 года.

Ты спрашиваешь, мешаешь ли ты моим занятиям, и не обижаюсь ли я на тебя за это? Нет! Во-первых, у меня есть достаточно свободного времени, чтобы посмотреть и подумать, а если ты приходишь ко мне в голову во время занятий, то я нисколько не сержусь, а наоборот, мне бывает очень тепло и радостно с моими мыслями. И после этих воспоминаний как-то особенно легко делается, и работа идет веселее после этого.

А вечером..., если бы ты знал, что я делаю вечерами! Я же почти никуда не хожу, и все вечера целиком отводятся для тебя: твои письма, фотографии, стихи – помогают мне проводить вечера.

Я еще не дуюсь, что ты не дописал своих стихов, а терпеливо жду их продолжения. Надеюсь, мое желание будет исполнено.

Это небольшое отступление от темы.

Так вот, можешь не беспокоиться о том, что я отрываю себя от занятий или стараюсь задвинуть тебя в дальний угол, чтобы ты не мешал.

Но скажу откровенно, что не всегда мне бывает радостно, когда я думаю о будущем. Иногда в голову забираются сомнения, и вот в такие минуты я и пишу тебе письма с такими грустными эпиграфами, которые тебе не нравятся.

Вчитайся в них внимательнее, и может быть, все поймешь. А пока не пишу тебе ничего больше, постарайся хорошенько разобраться во всем, что здесь написано, а я когда-нибудь напишу подробнее обо всем, о чем здесь только намекнула.

До свидания. Привет твоим друзьям.

С горячим приветом и уважением.

Инна.

9. Мысли о главном

16 ноября 1948 года

«Как ни совершенно крыло птицы,
Оно никогда не смогло бы поднять
Ее ввысь, не опираясь на воздух.
Как ни велики бывают желания людей,
они никогда не станут реальностью,
если им не сопутствует еще большее,
чем они сами, упорство и вера в успех
ее осуществления. Вера в победу и
упорство в борьбе за ее достижение –
это воздух молодых людей, строящих
свое будущее!»

Инночка!

...Ты можешь упрекнуть меня в том, что сам я не руководствуюсь принципами, которые пишу тебе эпиграфом в этом письме.

Мне хочется предостеречь тебя от упрощенности мыслей, изложенных в этом выражении.

...Часто бывает так, что небольшие колебания и ослабление сил приводят к гибели самых лучших стремлений.

А для меня наша дружба интересна для меня самого, значит, мое стремление должно быть еще более сильным, чем большее число людей препятствует его осуществлению.

Иногда бывает так, что в обществе людей мы не замечаем, не умеем выделить особых, чем-нибудь отличных от других и лучших по сравнению с ними. Однако, это не означает, что их нет в обществе.

И лишь когда мы заметили, что это сумели сделать другие, нам хочется сказать: почему же я не видел его или ее раньше?

Конечно, это бывает далеко не всегда.

Притом, этим первым, кто сумеет выделить человека из общества других, могут быть с таким же успехом и я, и ты, как и другие. ...Я не хочу сказать, что я первый, который сумел увидеть в тебе больше, чем остальные. Но я вправе сказать, что я один из таких, и ты этому возражать не будешь.

А сейчас прошу извинить меня за эту философию и принять мои самые искренние и сердечные пожелания здоровья, благополучия и счастья....

С искренним уважением. Борис.

* * *

19 декабря 1948 года

Инночка! Здравствуй!

Кажется, сегодня мы с тобой наговорились больше, чем когда-либо. Прости, что я тебя разбудил так рано. Но мне очень не хотелось сидеть одному и думать о тебе, а ты бы спала и ничего не знала об этом. Вот я и решил: разбужу я эту куклу, пусть подуется, а мне будет веселее и не так грустно.

А сейчас я закончил и благополучно сдал свое дежурство и пошел домой, а тут меня ждали твое письмо и открыточка.

...Инночка! Ну почему ты не осталась здесь на выходной? Сейчас бы вдвоем пошли в наш любимый уголок и станцевали наш самый любимый вальс. Не хочешь? Ну и не надо! И не дуйся! Я ведь не дуюсь, что ты сидишь и смеешься над моим детским письмом. Теперь ты будешь еще чаще называть меня «киндеренком» – да?

Ну и пусть! Вырасту еще, и тогда ты перестанешь надо мной смеяться.

А сейчас напишу одну хорошенькую песенку в альбом и пойду в клуб. Но перед этим хочу ответить на твой вопрос, что я считаю лишним, когда я упоминаю в письмах об этом. Я говорил, что лишним я считаю все, что выходит за рамки того поведения, которому обязывают нас наши отношения.

Вот об этих рамках как раз я и напишу. Причем о моих, конечно, а о своих ты мне сама напишешь, хорошо?

Какие рамки могут ограничивать меня, если я хочу всегда быть для тебя настоящим другом? Что можно и чего нельзя позволять мне, чувствуя всегда эту святую обязанность?

По-моему, самое краткое и самое правильное, что можно ответить на этот вопрос, будет:

– В любом, пусть самом разнообразном обществе, всегда уметь мысленно видеть свое превосходство над другими, всегда чувствовать себя ближе всех остальных,

– всегда понимать свои поступки зная, что их видишь и по-своему оцениваешь ты,

– уметь с гордостью отвернуться от тех, кто хоть чем-нибудь попытается ослабить мою веру в тебя,

– уметь остаться самостоятельным.

Короче – мыслью и сердцем быть всегда вместе с тобой.

Помни, что один шаг в сторону есть начало уже другого, не нашего общего пути. Помни, что из самых незначительных мелочей вырастают большие проблемы.

Прости, это не предупреждение, это просто мои дружеские пожелания.

Ну, до свидания, кукла! Крепко обнимаю тебя и желаю здоровья, благополучия, успехов и счастья.

С искренним уважением. Борис.

* * *

24 декабря 1948 года

Боренька, Здравствуй!

Я только что положила трубку – пыталась дозвониться тебе, но мне сказали, что ты сегодня в университете до 23.00, и в кабинете уже не появишься. Завтра постараюсь дозвониться во что бы то ни стало.

Сегодня получила твое письмо от 19.12.48 г.

Почему ты до сих пор думаешь, что я не захотела остаться там на воскресенье? Ты думаешь, это от меня зависело? Напрасно! А, впрочем, ты же прекрасно все знаешь, и объяснения тут ни к чему.

Прочла твой ответ о «лишнем», и могу тебе сказать, что то, что является рамками для тебя, приблизительно в той же мере принадлежит и мне. Правда, я никогда не писала тебе об этом. Но, по-моему, лучше выполнять то, что считаешь необходимым для себя, не говоря об этом никому и ничего не написав тебе, чем писать и не выполнять. Поэтому я целиком присоединяюсь к твоему определению. А результат его выполнения увидишь сам в будущем.

Приближается Новый год! Удастся ли нам встретиться в этот радостный, единственный день в году? Мне так хочется быть в этот день там с тобой!

Сегодня у нас начались приготовления к Новому году! Привезли елку из леса, втащили ее в комнату. Пока мы ее устанавливали, она нагрелась, и запах хвои распространился по

всей квартире. И сразу вспомнилось детство, которое, кажется, было так недавно. И в то же время отошло уже далеко назад.

И когда из воспоминаний переносишься в действительность, то невольно встает вопрос: а что же будет дальше? Как будут развиваться события? Что ждет впереди? Хочется получить ответы на все эти вопросы, но никто не хочет взяться за это трудное дело. Придется самой на них ответить.

Прости за сумбурное письмо – просто хочется поделиться с кем-нибудь, а настроение паршивое. Вероятно потому, что ты не позвонил. Да знаю я, что некогда было!

Привет всем нашим друзьям. С приветом и искренним уважением.

Инна.

* * *

21 ноября 1948 года

– Чтоб чего-нибудь добиться
и успех всегда иметь,
Твердо надобно решиться:
Победить иль умереть!

Добрый вечер, Инночка!

Перед тем, как уходить с дежурства, хочется объяснить тебе то, что ты не поняла по телефону. Я говорил о черте твоего характера, которую я установил по твоим письмам. Я говорил о твоей склонности к быстрой перемене твоих суждений и предметов, о которых ты ведешь речь.

Сила характеров и умение жить состоит в том, чтобы всегда уметь выделить из многого самое главное, взявшись за которое можно смело идти вперед.

...Пусть я пишу тебе о многих сторонах своей жизни и своих мыслей. Важно, чтобы ты сумела найти в них и выделить то, что здесь самое важное, жизненное, общее, и нужное для нас обоих.

Я хочу, чтобы ты приняла это мое замечание как товарищескую критику и мое желание видеть тебя способной к выбору своего главного в твоей будущей жизни...

С самым искренним уважением и сердечным приветом. Борис.

23 ноября 1948 года

– Берут пусть счастья сколько захотят,
Для них, для двух, на свете счастья хватит!

Инночка! Здравствуй!

Я редко писал тебе в письмах о каком-либо обычном, проведенном без тебя, дне. Извини, если свое сегодняшнее письмо я посвящу этому.

Вчера исполнился год, как я уехал из Киева и нахожусь здесь. Что хотелось бы мне сказать в своего пребывания за границей?

Первое, что я сказал бы – это то, что именно здесь я научился еще больше любить свою родину, еще больше ценить ее превосходство во всем, Только здесь я понял, что наши русские девушки – лучшие в мире. И лучшее подтверждение этому – ты. И не возражай, потому что я говорю так не из лести, а в знак товарищеского уважения к тебе и понимания всех твоих преимуществ перед другими.

Вчерашний день был последним днем первого года моего пребывания здесь, и он, может быть, ничем особенным не отличается от остальных 364-х других дней этого года, но именно потому, что он был последним, мне и хочется тебе о нем рассказать.

Я встретил его в 24.00 у себя дома, когда по радио передавали замечательные вальсы, и хотелось танцевать от радости, кружиться и вспоминать обо всем, что было хорошего за последний год.

Я посмотрел на тебя. Ты сидела и улыбалась. Мне очень хотелось спросить тебя, почему мы узнали друг друга только в июне, почему не раньше? Ведь этот год мог быть значительно лучше и интереснее, если бы он весь был заполнен нашим общим участием.

Прости, я конечно, говорю о себе, для тебя, может, он и так был бы не хуже. Но мне приятно стало от того, что впереди есть еще годы, и нет особых препятствий, чтобы сделать их еще лучше, чем прошедший.

Я только что смотрел кинофильм «Поезд идет на Восток», причем цветной. Какой замечательный фильм!

«В жизни – как в хорошем романе, должен быть один главный герой!» – говорил Лаврентьев.

И как это правильно, как согласен я с его утверждением о том, что с человеком не может быть скучно прожить всю свою жизнь. Если уважаешь человека, то в нем особенно нравится то, чего мы не можем не определить, ни назвать. С таким человеком не будет скучно в жизни, и он не потеряет своего жизненного обаяния очень долгое время.

Здесь две различные, может быть, сначала жизни соединяются вместе и выражают одну, но уже более содержательную и глубокую жизнь... Поэтому здесь нет места разделению на тебя и меня, здесь эти выражения заменяются общим понятием «МЫ», выражающим такое же законченное, цельное и стройное, как и отдельные Я и ТЫ. ...И мне приятно, что я правильно понимаю многое из того, что нужно понимать в жизни.

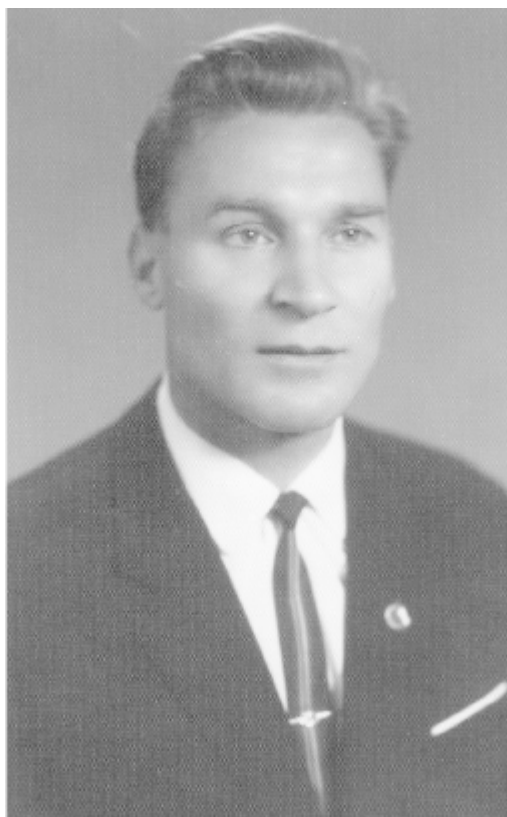
Инночка! Знаю, что ты хотела сегодня поговорить со мной, но меня не было здесь, я уходил в политотдел. Ты хотела что-то передать мне. Значит, кто-то из ваших должен быть здесь. Поэтому это письмо воздержусь пока опускать в ящик.

... В воскресенье вечером был на танцах. Танцы были в 2-х залах, но народу все равно было много. Вчерашний вечер был на занятиях, а потом смотрел фильм. Сегодня вечером придется позаниматься, а потом – позвонить тебе и узнать твои новости. Твоих писем вот уже 2 дня нет.

Ну, будь здорова, кукла, благополучна и счастлива. Привет тебе от «квадрата», доктора. Кости и др.

Успехов во всем тебе лично и твоей семье.

До свидания. Жму крепко-крепко твои руки. Уважающий тебя – Борис.

10. Обида

26 ноября 1948 года

Всякое маленькое разногласие может
статься большим, если на нем настаивать,
выдвигать его на первый план, если приняться
за разыскивание всех корней и всех ветвей
этого разногласия.

И, напротив, всякое большое, на первый
взгляд, разногласие, может быть раскрыто
и разрешено, если те, кого оно касается,
стремятся к их взаимному разрешению.

Инна! Прости, мое письмо будет совсем коротким.

Мне хочется только перед моим уходом на занятия сказать тебе, что я ухожу на них обиженным и на тебя, и на себя и на наш, только что закончившийся, разговор по телефону.

Хочется, чтобы всегда помнила и ты, и я, что нам совсем редко приходится слышать даже наши голоса, и совсем смешно, глупо и обидно, когда даже эти короткие минуты мы спорим и, вместо удовлетворения, уносим обиду.

Наши колкости и ирония могли быть уместными, когда мы находились вместе и всегда могли бы исправить любой не рассчитанный шаг.

Сейчас это все ограничено очень во многом, и наши старые привычки могут только усложнить наши отношения.

Если ты хоть сколько-нибудь дорожишь благополучием нашей дружбы, ты поймешь, что я прав, и не скажешь, что тебе все равно.

Борис.

15.30. 26.11.1948 г.

* * *

27 ноября 1948 года

Инночка! Здравствуй!

Я сообщил тебе вчера, что ушел вчера на занятия обиженным на все и на всех. Я и сейчас не в лучшем настроении, а потому выслушай меня с терпением и подумай обо всем, что здесь написано, сама.

В одном из писем я отвечал на твой вопрос, почему мне не нравится твое «все равно». Теперь ты все знаешь, но продолжаешь повторять мне его. Мне не хочется верить, что тебе безразлична судьба нашей дружбы, что тебе все равно, каков бы ни был ее исход.

Конечно, если тебе не дорого воспоминание о тех многих дорогах и дорожках, которые мы исходили; о парках, которые знают нас больше, чем кого-либо других; об озере, на котором наши прогулки были всегда интереснее. Чем у всех других; о наших многочисленных вечерах; интересных и живых беседах; о наших мечтах и взглядах на будущее, — то тогда ты можешь еще раз повторить твои любимые слова.

Если тебе все равно, будешь или не будешь ты знать все, что мной не сказано, то нужен ли труд для того, чтобы делать это?

Если тебе все равно, кому и чему посвящаю я свое свободное время и свободные от занятий вечера, то нужно ли, чтобы я заполнял их мечтами о нашей дружбе?

Прошу ясно ответить мне на все эти вопросы и очень хорошо помнить о том, что мне далеко не все равно, как и что ты мне на них ответишь.

Я знаю, что ты всегда думаешь обо мне, что я, имея достаточно возможностей занять свое свободное время, забываю о тебе и допускаю что-то лишнее? Скажи, что я не прав, думая так?

Но помни, что мне хорошо оттого, что я умею и нахожу в себе достаточно сил, чтобы держать себя в строгих рамках того поведения, которому обязывают меня наши с тобой отношения.

Мне хочется, чтобы ты всегда помнила, что я сквозь самый веселый и шумный коллектив сумею с достоинством пронести твое имя и сохранить его всегда нетронутым.

Хоть ты и пишешь: «что в имени тебе моем», но мне хочется, чтобы ты знала, что мне в нем нужно очень многое, и совсем не все равно, каким оно останется для меня.

Заканчивая письмо, хочется сказать:

– Безразличие не украшает, а обесцвечивает и обедняет жизнь. Оно лишает его того обаяния, которое привыкла всегда видеть в жизни наша юность. Юность тем и прекраснее других участков нашей жизни, что она отличается любознательностью, наиболее чутким восприятием всего окружающего, рвением к знаниям и отысканию в жизни своего основного пути.

До свидания, кукла. Привет маме и папе. С глубоким уважением и сердечным приветом.

Борис.

* * *

28 ноября 1948 года

Инночка, здравствуй!

Сегодняшний выходной день уже подходит к концу. Я сделал все, что был намерен сделать. Можешь радоваться, что его большую часть я посвятил тебе. Причем я делал это с самым большим желанием и приятным чувством.

Встретил сегодня на улице девушку, с которой дружил еще «мой Геннадий». *(Примечание: Видимо, эта девушка так называла своего кавалера).*

Она спрашивала меня о тебе и утверждала, что мы с тобой чем-то походим друг на друга.

Помнишь, когда я уезжал в СССР, а потом вернулся, и в первый же вечер танцевал с тобой, так она еще тогда меня спрашивала: кто, мол, это такая, жена твоя или нет, и именно тогда она заметила что-то общее в нас обоих.

Сейчас она пророчит нам самое хорошее будущее. Она нашла, что я за последнее время очень изменился и превратился из самого инициативного танцора в скромного и даже необычайно задумчивого мальчика.

Я пытался ей возражать, но ничего из этого у меня не получилось, так как правду отрицать я и не умею, да и не хочу.

Получил сегодня твое письмо за 19 ноября. Почему-то целых 10 дней шло оно ко мне. Хочется спросить тебя, почему у тебя снова появляются тенденции – рвать письма? Ведь ты уже обещала мне не делать этого.

Твое предупреждение о самовольных отлучках принимаю и обещаю не добиваться большего взыскания....

Время уже 19.30. Сейчас пойду и попытаюсь дозвониться к тебе. А какую хорошую музыку передают по радио!

Ну, хорошо, до свидания, Инночка! Будь здорова. Привет твоим родителям.

С сердечным приветом и самым большим уважением.
Борис.

* * *

6 декабря 1948 года

Боренька, здравствуй!

Два часа назад я только приехала домой. Как я была рада, что от тебя есть два письма. И как мне стало больно, когда я прочла их текст, вернее, одного из них.

Неужели ты до сих пор ничего не можешь понять или просто не хочешь понимать?

Я несколько раз прочла твоё письмо за 27-е и обо всем подумала. Зачем ты пишешь о моем безразличии ко всему, и даже к такому большому и хорошему, как наша дружба? Ведь ты же отлично знаешь, что это не так...

Почему ты думаешь, что мне стали не дороги воспоминания о наших мечтах и взглядах на жизнь?

Ведь в письмах всего не напишешь, а что твориться в моей голове и моем сердце – ты не знаешь или не хочешь знать, да и трудное это дело.

Я понимаю – тяжело узнавать человека, когда он находится на расстоянии 250 км. Однако мне хочется хоть немного убедить тебя, что ты глубоко ошибаешься, думая так обо мне.

Боря! Сколько раз я просила тебя сказать то, что ты не досказал. Неужели ты думаешь, что я стала бы настаивать, если бы мне было все равно?...

Я знаю, что тебя сдерживают не трудности, а время. До сих пор ты считаешь, что об этом говорить еще рано, потому что ты боишься, что эти слова я приму не так, как хотел бы этого ты. Я еще не знаю точно, что именно ты хочешь мне досказать, но мне кажется, что теперь уже далеко не рано.

А может, ты и этого не видишь и не чувствуешь, а?

Ну, что же, у тебя достаточно времени, чтобы подумать обо всем хорошенько.

Ответы на два твоих последних вопроса о том, куда поведут нас жизненные дороги и стоит ли стремиться к тому, чтобы они вели к одной цели, и о том, кому ты посвящаешь свое свободное время, я думаю – не нужно отвечать, так как ответ на них вытекает сам из предыдущего, а уж ты теперь, после всего написанного мною, смотри сам, стоит ли тебе заполнять свободные вечера мыслями о нашей дружбе.

Для меня же ответ на этот вопрос вполне ясен, и мне далеко не все равно. Ты это можешь увидеть и из предыдущих моих писем, если только прочитаешь их повнимательнее.

И вообще, напрасно ты мое «все равно» присоединяешь ко всему подряд. Если я употребляю «все равно», то только в тех случаях, когда оно не может повлиять ни на дружбу, ни на наши отношения, а потому считаю, что не следует соединять то, что несоединимо, и разъединять то, что теперь уже трудно разъединить. Я не говорю, что невозможно. Ты сам знаешь, что ничего невозможного нет, но о том, что будет трудно, то я в этом уверена, во всяком случае – для меня...

...Твои предположения о моих мыслях тоже не верны. Я никогда не думаю о том, что ты допускаешь что-то лишнее. Так что и тут ты не прав!

Боря! Ты прости меня за непоследовательность и несвязность в письме, но я сейчас очень возбуждена, и настроение мое ничуть не лучше твоего. Слишком много горечи перелилось теперь в меня.

Я понимаю. Что ты вложил в это письмо все, что чувствовал, но тот этого мне не легче, так как то, что ты думаешь – неправда!

Надеюсь, что это письмо внесет некоторую ясность в твои мысли, и они не будут такими мрачными, как сейчас.

Будь здоров, Боренька. И выкинь из головы мое «все равно», придуманное тобой.
Желаю тебе счастья во всем. С самым глубоким уважением и искренним приветом.
Инна.

11. Еще раз про любовь

19 декабря 1948 года

Инночка! Здравствуй!

Кажется, сегодня мы с тобой наговорились больше, чем когда-либо. Прости, что я тебя разбудил так рано. Но мне очень не хотелось сидеть одному и думать о тебе, а ты бы спала и ничего не знала об этом. Вот я и решил: разбужу я эту куклу, пусть подуется, а мне будет веселее и не так грустно.

А сейчас я закончил и благополучно сдал свое дежурство и пошел домой, а тут меня ждали твое письмо и открыточка.

...Инночка! Ну почему ты не осталась здесь на выходной? Сейчас бы вдвоем пошли в наш любимый уголок и станцевали наш самый любимый вальс. Не хочешь? Ну и не надо! И не дуйся! Я ведь не дуюсь, что ты сидишь и смеешься над моим детским письмом. Теперь ты будешь еще чаще называть меня «киндеренком» – да?

Ну и пусть! Вырасту еще, и тогда ты перестанешь надо мной смеяться. А сейчас напишу одну хорошенькую песенку в альбом и пойду в клуб. Но перед этим хочу ответить на твой вопрос, что я считаю лишним, когда я упоминаю в письмах об этом. Я говорил, что лишним я считаю все, что выходит за рамки того поведения, которому обязывают нас наши отношения. Вот об этих рамках как раз я и напишу. Причем о моих, конечно, а о своих ты мне сама напишешь, хорошо?

Какие рамки могут ограничивать меня, если я хочу всегда быть для тебя настоящим другом? Что можно и чего нельзя позволять мне, чувствуя всегда эту святую обязанность?

По-моему, самое краткое и самое правильное, что можно ответить на этот вопрос, будет:

– В любом, пусть самом разнообразном обществе, всегда уметь мысленно видеть свое превосходство над другими, всегда чувствовать себя ближе всех остальных,

– всегда понимать свои поступки, зная, что их видишь и по-своему оцениваешь ты,

– уметь с гордостью отвернуться от тех, кто хоть чем-нибудь попытается ослабить мою веру в тебя,

– уметь остаться самостоятельным.

Короче – мыслью и сердцем быть всегда вместе с тобой.

Помни, что один шаг в сторону есть начало уже другого, не нашего общего пути. Помни, что из самых незначительных мелочей вырастают большие проблемы.

Прости, это не предупреждение, это просто мои дружеские пожелания.

Ну, до свидания, кукла! Крепко обнимаю тебя и желаю здоровья, благополучия, успехов и счастья.

С искренним уважением. Борис.

* * *

24 декабря 1948 года

Боренька, здравствуй!

Я только что положила трубку – пыталась дозвониться тебе, но мне сказали, что ты сегодня в университете до 23.00, и в кабинете уже не появишься. Завтра постараюсь дозвониться во что бы то ни стало.

Сегодня получила твое письмо от 19.12.48 г.

Почему ты до сих пор думаешь, что я не захотела остаться там на воскресенье? Ты думаешь, это от меня зависело? Напрасно! А, впрочем, ты же прекрасно все знаешь, и объяснения тут ни к чему.

Прочла твой ответ о «лишнем», и могу тебе сказать, что то, что является рамками для тебя, приблизительно в той же мере принадлежит и мне. Правда, я никогда не писала тебе об этом. Но, по-моему, лучше выполнять то, что считаешь необходимым для себя, не говоря об этом никому и ничего не написав тебе, чем писать и не выполнять. Поэтому я целиком присоединяюсь к твоему определению. А результат его выполнения увидишь сам в будущем.

Приближается Новый год! Удастся ли нам встретиться в этот радостный, единственный день в году? Мне так хочется быть в этот день там с тобой!

Сегодня у нас начались приготовления к Новому году! Привезли елку из леса, втащили ее в комнату. Пока мы ее устанавливали, она нагрелась, и запах хвои распространился по всей квартире. И сразу вспомнилось детство, которое, кажется, было так недавно, и в то же время отошло уже далеко назад.

И когда из воспоминаний переносишься в действительность, то невольно встает вопрос: а что же будет дальше? Как будут развиваться события? Что ждет впереди? Хочется получить ответы на все эти вопросы, но никто не хочет взяться за это трудное дело. Придется самой на них ответить.

Прости за сумбурное письмо – просто хочется поделиться с кем-нибудь, а настроение паршивое. Вероятно потому, что ты не позвонил. Да знаю я, что некогда было!

Привет всем нашим друзьям. С приветом и искренним уважением.

Инна.

12. Серьезные вопросы

15 декабря 1948 года

– Крик сердца всегда
сильнее звука слов! –

Инна!

Ты предлагаешь мне неизвестное, но имеющееся у меня, последнее и самое сильное средство развеять все свои самые мрачные мысли и оторваться от окружающей и, может быть, самым омраченной действительности.

Я нашел его и думаю – это оно и есть!

Телефонную трубку я заменил ручкой с пером, свои устно выражаемые несколько минут назад мысли, я сменил письменными в надежде, что здесь у меня получится лучше, понятнее для тебя и проще для меня.

Я знаком с содержанием твоего письма, которое ты особенно хотела, чтобы я получил. Я понял его так, как ты хотела. Оно внесло мне больше ясности, чем ты рассчитывала, посылая его.

Отвечая на него, я задам тебе серьезные и трудные вопросы, и прежде чем ответить на них, подумай над их содержанием больше, чем над моими всеми предыдущими вопросами.

– До сих пор мы не знали, что творилось в каждом из нас. Мы, стихийно, как ветви молодого деревца, тянулись друг к другу не зная, зачем нам это нужно, и нужно ли это вообще.

Мы это делали потому, что привыкли всегда быть вместе, что нас вполне удовлетворял наш узкий круг, и для нас он был более других интересен.

Мне вспоминается небольшой мостик над озером, где мы были в наш последний общий день. Вспомни. Как страшно больно было нам обоим оттого, что мы должны были в этот день расстаться, что мы должны были забыть обо всем таком хорошем, что было у нас за прошедшее время.

Может быть, тогда это было простое чувство привязанности и уважения. Но уже тогда в наших прощальных улыбках было столько горечи и сожаления. Что сквозь улыбки чувствовались слезы сердца.

Сейчас я уже могу сказать тебе, что тогда я не верил, что ты будешь обо всем помнить так, как помнишь на самом деле.

Да и сам себя не понимал я и считал, что все это будет легко, просто, обыкновенно.

Время с жестокостью опровергло мои мысли. Факты объяснили мне, что между нами было большее, чем каждый из нас считал.

Участники нашего маленького, но прочного общества, будучи разорванными, не оставили своих стремлений к новым связям, и тысячами новых, невидимых нитей связывают свой союз.

Твои последние письма мне рассказывают о многом, мои – о многом рассказывают тебе. Главное, что можно вывести из них факт неизбежного и уже начавшегося превращения нашей инстинктивной и стихийной близости друг к другу, в близость осознанную, целеустремленную.

Не только наши общие воспоминания тянут нас друг к другу, не ради того, чтобы только их повторить, – мы ищем наших встреч, здесь есть бесспорно нечто большее.

Я не ошибусь, если скажу, что нам наша встреча в любом месте будет так же нужна и так же будет хорошей, если даже не будет ни одного из тех предметов, которые всегда окружали нас в наши первые общие дни.

Но это говорит о том, что уже не общность к нашим воспоминаниям тянет нас друг к другу, а мы сами. Значит, не они нужны нам, а мы сами нужны друг другу.

Здесь и встает самый большой и самый серьезный вопрос, о котором я просил и еще раз прошу тебя подумать больше, чем над всеми другими.

Что мы нужны друг другу – я уже доказал.

Второй вопрос состоит из двух частей, которые ты продумаешь, и на которые и ответишь мне по частям.

Первый вопрос: «Всегда ли мы будем нужны друг другу?»

Второй вопрос: «Можем ли мы отдать каждый себя без сожаления друг другу?»

Помогая раскрыть тебе глубже содержание первого вопроса, хочется сказать:

– Бывает, бывает, что люди сближаются друг с другом в условиях, которые не позволяют ничего другого. Они чувствуют себя вполне удовлетворенными в своем маленьком обществе. Они проходят все закономерные стадии отношений в их отношениях. Им пришлось расстаться.

Новые люди, новые места, новые мысли. Ведь правда, что новое всегда побеждает?...

Если же я говорю, что ты всегда будешь нужна мне, то я знаю и всегда помню, какую ответственность я беру на себя и к какому большому долгу я себя обязываю.

Поэтому и ты. Отвечая на первый вопрос, помни об этом и отвечай так, чтобы это было обосновано, тобой самой проверено и бесповоротно.

Второй вопрос говорит о наших возможностях отдать себя друг другу, а так же о том, когда эти возможности будут, если их нет, или они есть не все сейчас.

Есть замечательная русская пословица: «Прежде, чем войти куда-либо, подумай, как оттуда выйти»

Отсюда вывод: заходи лишь тогда, когда уже будешь знать даже свой обратный путь.

В жизни это бывает еще сложнее, и поэтому, чтобы сделать смелый шаг в ее объятия, нужно продумать все, чтобы сделать его наверняка, с гарантией на успех, с гарантией, что он не принесет разочарования.

При этом нужно помнить, что жизнь изменяется быстрее, чем люди, что поэтому ее нужно любить не только в ее красивых проявлениях, но во всех ее трудностях, невзгодах, ужасах и борьбе.

И если только после всего этого ты чувствуешь себя сильной и способной к такой борьбе, тогда иди в нее уверенным и бесповоротным шагом.

Но какие же все-таки возможности нужны, чтобы выполнить требования двух вопросов?

Нужно, во-первых, наше постоянное, неослабное, всестороннее уважение друг к другу, уважение наших взаимных достоинств и слабостей в равной мере.

Нужна, во-вторых, наша постоянная взаимная готовность идти в жизнь любым, пусть самым трудным, но избранным нами совместным путем.

Нужна взаимная и равная готовность обоих отказаться от всего, что выходит за рамки нашего союза и подрывает прочность самой его основы.

В-третьих – нужна равная и взаимная готовность обоих принести любые жертвы во имя нашего общего счастья.

Здесь уместно написать замечательные слова Ш. Руставели:

Есть три рода доказательств,
Чтобы дружбу доказать:
Горькой мучаясь разлукой,
Вечной близости желать!
Щедро все без сожаленья

Дорогому отдавать!
Угождать ему, и счастье
Для него везде искать!

Именно слова «Щедро все без сожаленья дорогому отдавать» и является четвертым условием в цепи перечисленных мной возможностей.

Есть ли налицо все эти возможности у нас? Подумай и ответь мне свои мысли по этому вопросу.

Кроме всего, нужно помнить, что если даже они и есть, то их наличие еще не означает уже действительность. Ведь возможность может остаться сама собой, если ее не претворить в действительность. А это превращение будет зависеть от нас, наших желаний, нашего умения правильно их превратить в действительность.

Инна! Прости. Я затронул слишком большой вопрос, и мне придется прервать его, не закончив свои мысли..

Нам еще нужно будет выяснить, есть ли такие возможности сейчас?

Если нет, то когда они могут быть?

Какого жизненного друга хотел бы иметь каждый из нас. И какие требования предъявил бы к нему, решаясь на этот шаг?

Нам нужно выяснить еще много других вопросов.

Вот видишь, я и нашел, чем занять время и разогнать свои неприятные мысли.

А все-таки мне не хочется, чтобы ты завтра же уехала обратно. Но если уж тебе нельзя, то делай, как можешь. А письмо это ты получишь только тогда, когда будешь уезжать, и не раньше!

Счастливого пути, кукла! Помни о том, что я здесь написал.

Борис.

13. Скоро Новый год

22 декабря 1948 года

Инночка! Здравствуй!

Прости, что мое письмо будет таким коротким. Сейчас 8.00. Я пришел в свой кабинет пораньше. В 9.00 я опять уезжаю на весь день и вернусь только к восьми вечера. И так всю неделю. Уже два дня ничего не знаю о тебе, сегодня третий день. Хотел сейчас позвонить тебе, но пришел майор и начал разговор о служебных делах. Я взял лист бумаги и начал мысленно разговаривать с тобой.

Ну, как твои дела, кукла?

Мне пришлось сейчас нарушить свой обычный распорядок. Университет совсем на эту неделю отодвинул в сторону, придется потом уже догонять, в новом 1949 году. Служебные дела еще кое-как успеваю подтягивать вечером, когда возвращаюсь домой.

Но ты не беспокойся, что я перегружен. Мне нравится это кратковременное испытание с полным напряжением моих сил и способностей. А то ведь я давно не был в таких переплетах, и всегда все шло спокойно, хорошо и легко. Сейчас мне приходится делать гораздо больше, – и ничего, пока справляюсь вполне успешно.

И когда прихожу домой, почитаю немножко и сразу засыпаю крепким здоровым сном.

Сегодня в 7.00 пришел майор и стучит ко мне. Я просыпаюсь, открываю дверь, а он говорит:

– Зачем ты проснулся? Я просто так проверить тебя пришел, а то не видел уже двое суток и соскучился.

Поговорил и ушел.

– Ложись, – говорит. – Спи еще. Но я поднялся, и вот сейчас, придя к себе в кабинет, пишу тебе обо всем этом.

Ты, наверное, удивляешься такому легкому жанру моего письма. Ведь я никогда не писал тебе таких писем. Но мне хочется отдохнуть немного от остального, и тепло, просто и легко поговорить с тобой. Сейчас уезжаю. Возвращусь вечером. Постараюсь дозвониться до тебя. Не скучай. Скоро Новый год. Будь здорова, кукла, пиши чаще. Привет твоим родителям.

С уважением и горячим приветом.

Борис.

* * *

18 декабря 1948 года.

Боренька, здравствуй!

Доехала я благополучно, только поздно приехали, в 10 часов вечера, потому что ехала-то я с двумя охотниками, а с ними разве скоро доедешь.

Как только простилась с тобой, и мы поехали, сразу пошел дождь, но он не мешал мне, т. к. соответствовал моему настроению.

Доехав до ворот, под которыми проходит 3-й трамвай, знаешь? – распечатала твое большое письмо. Эта поспешность была вызвана тем, что на улице быстро темнело, и тогда я не смогла бы прочитать его. А дожидаться, пока приеду домой, было не в моих силах.

Все, что написано в нем, я поняла, но не отвечаю в этом письме, т. к. для этого нужно много времени и более спокойная обстановка. А я сейчас тороплюсь в комендатуру по делам.

Вечером у нас будет концерт какой-то, хочу сходить. Когда вернусь – позвоню тебе.

А сейчас хочу пожелать тебе всего самого светлого, исполнения всех твоих желаний и скорейшего выздоровления от зубной боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.